

Иван Никитович на земле стоит крепко:
она ему и силы дает, и бодрость в душу вселяет

ЭЛИКСИР АФОНЬКИНА

НА МОМЕНТ ВСТРЕЧИ с Иваном Афонькиным мы были как бы на равных: он впервые за свою жизнь беседовал с «живым» журналистом, а я за три десятка лет работы в газете первый раз познакомился с садоводом, которому через два года исполнит-ся девяносто лет.

По этому поводу по его инициативе на столе в его уютной кухне появился коньяк, скорая на руку сноха Люба собрала закуски. Думал, новый знакомый по причине солидного возраста лишь пригубит напиток, так сказать, для приличия, а он и не думал «разыгрывать» трезвенника – две рюмки «прихододал», закусил плотно. Коньяк ему пошел на пользу: порозовели щеки, распрямились плечи, живой пошла беседа.

– Сейчас часто слышу: вкалывал мужик всю жизнь, как проклятый, вот и «согнулся» раньше времени. У меня другая точка зрения, – как бы предугадывая вопрос о совместимости коньяка с долгожительством, произнес ветеран. – Меру надо знать во всем, в том числе с выпивкой, не напиваться до такой степени, что и семья, и домашнее хозяйство, и работа – по боку.

– А вообще, каждому свой срок в жизни отмерен, – философски рассуждает Иван Никитович. – Помню, бабушка рассказывала: родился я в день Пасхи в тот момент, когда верующие совершали крестный ход. «Потому до ста лет доживешь, Ванюшка, – частенько говорила она. – Бог тебя любит и оберегает». Кто его знает, как на самом деле, но пока бабушкино пророчество сбывается.

Родился Афонькин в рязанской деревушке в семье солдата первой империалистической. И хотя с германского фронта тот вернулся на протезе, на земле стоял крепко. Хлебопашеством занимался постольку поскольку – на одной ноге с сохой и лошастью не набегаешься. В основном, большая семья кормилась за счет пчел. Сто ульев, не таких, как нынче, сделанных из досок, а дуплянок, выставлял каждую весну на поля Никита Тимофеевич. В колхоз вступать не торопился, и лишь после неоднократных «тонких» намеков оказаться в списке для раскулачивания записался в сельхозартель. При этом поставил условие: заниматься пчелами ему будет помогать только сын. На том и договорились.

Думал Иван, что так вся жизнь на пасеке и пройдет: районную школу пчеловодства закончил, стал других учить, как мед добывать. Но жизнь так «закрутила» сюжет, что ему и не снилось. В отличие от сверстников, ему, деревенскому парню в домотканых штанах и застиранной рубашке, вскоре пришлось оказаться в самом сердце Европы, соприкоснуться с достижениями западной цивилизации, познакомиться с немцами, поляками, итальянцами и французами.

Это сейчас все запросто, а тогда он попробовал себя в таких чисто городских профессиях, как путеец, слесарь, формовщик сталелитейного производства, что по деревенским меркам считалось несбыточной мечтой. Только все эти «прелести» ему привалили не по доброй воле. В грозном 1942 году Афонькин на эстонском острове вместе с такими же необстрелянными солдатами попал в немецкий плен. В неволе, когда вместе с другими перебросили на север Германии сначала в один, потом в другой и третий концлагерь, ему и довелось встретиться

ФОТО АВТОРА

с голодными, оборванными представителями культурных наций. Здесь он восстанавливал железную дорогу, на литейном заводе в Гамбурге отливал заготовки. Вот там-то Иван Никитович и понял: ко всему привыкает человек – тяжелому труду, чужбине, издевательствам. Может он побороть тоску, не дать погаснуть в душе искорке надежды на освобождение.

– Каждое утро фашисты выводили нас из бараков на улицу, – вспоминает он. – Кто был еще живой, но не смог подняться, тут же пристреливали и сваливали в яму. Как-то и я чуть было не оказался в ней. Три дня у меня во рту и крошки не было: не доставало еды при дележке, от голода обессилел до такой степени, что забился в угол барака и ждал, когда выволокут на плащ. Это в кино показываю, как военнопленные по-братски делают пайку хлеба, а у меня и сейчас перед глазами стоит голодная, грязная толпа, отталкивающая локтями и ногами слабых от булки хлеба. Кто успел ее схватить, тот и съел, а остальные пусть гибнут. Но нашлись добрые люди, принесли кусок сыра, воды. Оклемались потихоньку.

Не баловала Афонькина судьба, когда он, освобожденный из плена американскими войсками, попал по спецраспределению в Магнитку. Не по-матерински встретила родина лишенца: после фашистской колочей проволоки он оказался за родной советской. Затем его определили в ремстройуправление металлургического комбината плотником. Пришлось осваивать совсем незнакомое дело. Сказать, что жизнь наладилась и появился достаток, после того как он освоился на новом месте, женился, получил просторную квартиру в доме на Березках, значит, погрешить против истины. Ничего само собой не приходило. После работы на стройке, за которую в месяц получал тогдашние восемьдесят рублей, снова впрягался в работу дома: мастерил столы, шифоньеры, комоды, этажерки, буфеты. Изделия из мастерской, устроенной им в подполе, шли нарасхват.

Много сил требовал участок у дома и в саду. К тому времени уже четверо сыновей-помощников подросли. Но и на этом не успокоился Иван Никитович: вспомнил рязанскую молодость и завел десять

пчелиных семей – благо их не надо было куда вывозить для медосбора – сразу за околицей простирались гречишные поля и посевы подсолнечника.

– Откуда силы брались, сам удивляюсь, – размышляет Иван Никитович. – Сказать, что нужда вытягивала все жилы или стремился жить не хуже других? Но тогда все небогато жили. Было в семье и что на стол поставить, и во что четверых детей одеть-обуть. Наверное, на роду у меня так написано – там отдыхать сполна буду, – говорит он вроде бы полусуя, показывая пальцем в небо.

С его сыном Валерием мы вышли на улицу покурить. Забрался в самый конец крутого склона приусадебного участка. Признаться, аж дух захватывает от открывшейся взору панорамы комбината. Осеннее солнце выхватило зеленые островки газонов промплощадки, оранжевую листву на откосах Урала. Окрашенные яркими цветами радуги здания цехов отсюда не напоминали ту железную махину, где властвуют огонь и металл.

– В прежние годы почти весь участок вишней был засажен, – рассказывает Валерий. – Саженцы кто-то из родственников отцу прислал. Бывало, по сто ведер ягод собирали. Это уже потом их выкорчевали и побольше места под картошку и овощи отвели. Бывает, что у меня в саду картошка так себе, а у него клубни как поросята. Абрикос плодоносит хорошо, смородина, клубника. Сахар он не употребляет, все больше на варенье и мед «нажимает».

– По двести пятьдесят корней помидор отец высаживает каждую весну, – услышал я.

– Сколько, сколько? – переспросил я. – Пятьдесят?

– Двести пятьдесят, – подтвердил он. – Земли на участке больше пятнадцати соток будет, он не потерпит, чтобы земля «гуляла». По осени моя жена с ног валится: попробуй весь урожай переработать. Всегда отца предупреждаю: «Не вздумай землю лопатой перекапывать, сам управлюсь культиватором. Через неделю приезжаю, а он уже и перегной наносил, и копать заканчивает. Вон, заборчик из свежеструганных досок видишь? – он махнул рукой в сторону дома, – сам сделал. Когда я строил домик у себя

в саду, почти всю плотницкую работу он переделал.

Через минуту Иван Никитович показавшись на крыльце. На улице уже свежо, склон такой, что и молодой запыхается, взбираясь сюда, а он во фланелевой рубашке нараспашку, без фуражки, скорым шагом спешит к нам.

– Здесь теплица, это летняя кухня, рядом – погреб, тут парник с печкой, – рассказывает он на ходу. – В начале мая всю рассаду сюда переносу из дома. Сам пикирую, подкармливаю, в грунт высаживаю. Сноха Люба с дочерью своей помогают. А все остальные заботы на мне, – не без гордости заметил ветеран.

Семена овощей в ярких пакетиках, которые предлагают садоводам в киосках, он не признает: со своих грядок отбирает отборные плоды, дает им время созреть на корню. Затем аккуратно отделяет семена от мякоти, просушивает и определяет на хранение в прохладное место. Всхожесть – стопроцентная.

Показал Иван Никитович свои цветы: тюльпаны, пионы, розы. Все они укрыты, засыпаны перегноем. Как-то потеплели его глаза, когда мы остановились у большого куста цветущей и осенью парковой розы: ее сажала покойная жена. Он волил нас по участку и обо всем рассказывал, как о чем-то близком, без чего жизнь будет неполноценной. Кому-то делянка земли – подспорье для семейного бюджета, другие на шести сотках набираются сил, отдыхают душой и телом. Для Ивана Никитовича земля, как тот волшебный эликсир: вышел поутру на участок, грядку вскопал, цветы полил, забор подправил – и получил заряд сил, бодрость духа не иссякает.

– Ты не забудь к весне привезти семена пальмы, – обратился он к сыну. – Понравилась она мне – высокая, листья роскошные, цветочки радуют глаз.

– Не пальма это, а касторовое дерево, клещевина по-научному.

– Все равно привези. Пусть участок украшает.

Когда мы отъезжали от его дома, он помахал вслед рукой. «Приезжай еще», – скорее догадался, чем услышал я его слова.

Приеду обязательно. Только живи долго, Иван Никитович! Ты заслужил.

ВЛАДИМИР РЫБАК.

Просто и надежно

КАЛЕНДАРЬ РАБОТ

НЕ ПЕРВЫЙ ГОД меняю на садовом участке посадки фруктовых деревьев и кустарников.

На своем опыте убедился: конец октября и начало ноября – лучшее время посадки саженцев. Советую приобретенный или выращенный посадочный материал сейчас прикопать, а на постоянное место «жительства» определить весной. Как это сделать?

Я на возвышенном месте участка рою траншею глубиной 40 сантиметров. Одну из стен срезаю лопатой под 45 градусов и формирую небольшой земляной вал. Корневую часть саженцев опускаю в траншею, а стволы располагаю наклонно в один ряд, по срезанной стороне. Корни засыпаю рыхлой почвой до корневой шейки, периодически уплотняя ногой, обильно поливаю. Когда наступит устойчивые заморозки и земля даст усадку, подсыпаю еще земли примерно на 10–15 сантиметров выше траншеи. Молодые деревца в наклонном положении попадают под снежное укрытие и сравнительно легко перезимовывают. Посадочные ямы для посадки саженцев весной всегда копаю и заправляю удобрениями с осени.

И еще. Обязательно сделайте для саженцев защиту от зайцев и мышей. В прошлом году они у меня подчистую сгрызли семь отменных саженцев абрикоса. На этот раз я их укрыл разрезанными вдоль бутылками из-под пива и минеральной воды. Не доберутся.

ВАСИЛИЙ СЕДЫКИН.

Хранилище на балконе

ВПРОК

КАЖДУЮ ЗИМУ наблюдаю, как сосед по квартире раз в неделю снаряжает салазки, собирает мешки, пакеты и отправляется в поход за картошкой и овощами, которые хранит у него в подвале на горе Пугачева.

Уходит утром, а возвращается поздно вечером уставший, замерзший как цуцик. Не завидую и сочувствую ему. Я от таких забот избавился, с тех пор как смастерил овощехранилище у себя на застекленном балконе, где и храню впрок витаминную продукцию, несмотря на морозы.

Сначала из толстомерной доски сделал большой ящик – это смотря какой у вас балкон. Затем смастерил второй с крышкой и сантиметром на 5–7 меньше первого. Между ящиками со всех сторон уложил изоляционный материал, которого сейчас и в магазинах хоть пруд пруди, и еще можно приспособить упаковку от бытовой техники. Я в промежутке между ящиками поместил упаковку от компьютерной пены, а для герметичности заполнил пустоты монтажной пеной. В крышке сделал отверстие для вентиляции. Сбоку ящика вставил отрезок трубы от старого пылесоса. Когда на улице сильный мороз – через шланг подаю в ящик теплый воздух, для чего использую тепловентилятор.

В этом году «пошел» еще дальше – ящик разделил на отсеки для картофеля, свеклы, морковки. Перед новой закладкой ящик обязательно промываю и дезинфицирую. Сохранность отличная, а главное – не надрываюсь, как сосед.

БОРИС СВЕШНИКОВ.